

САТИРИКОН

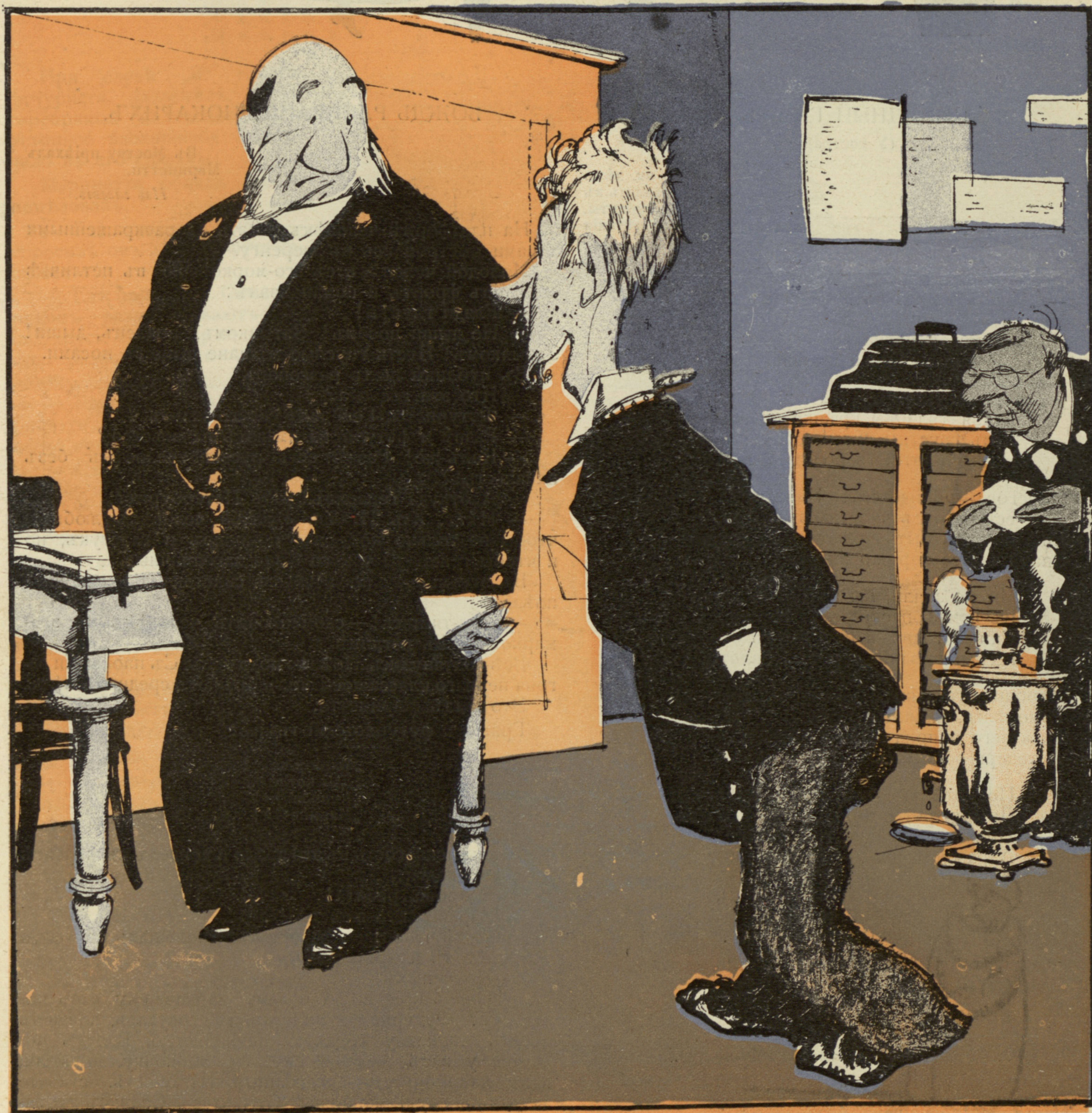
№ 6

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

6 ФЕВРАЛЯ.

Рис. Ре-Ми.

ВЪ ТИШИ КАНЦЕЛЯРИИ.

— Прощай, Финькинъ, прощай! Перемѣнился кабинетъ, пришли какіе-то новые люди, ну, ясно, что я, старый служака, долженъ уйти на покой.

— Голубчикъ, Никандръ Ивановичъ! Неужели-же и васъ, столоначальниковъ, эти перемѣны въ министерствѣ коснулись...

— Не такъ ты меня понялъ... паспортистъ... Просто мѣшаютъ здѣсь просители, ну и хочу уйти въ новый кабинетъ его превосходительства, — часокъ поспать.

ПОВѢДНЫЙ ГИМНЪ.

(У костра).

„Министерство вн. дѣлъ предписало направлять въ цензуру всѣ преискуранты, плакаты, сводныя дѣтскія картинки, рисунки дамскихъ рукодѣлій и т. п.

— „Наконецъ-то! въ душевномъ порывѣ Можно вскрикнуть и спѣть тру-ля-ля: На Россійской распаханной нивѣ За цвѣтками морощка взошла.

Мы не умерли, — мы еще живы
И для дѣла мы крѣпко сильны,
Хоть грустны, какъ плакучія ивы,
Надъ болотцемъ родимой страны.

Ничего... Обойдется... Умнется...
Еще есть у насъ чувства въ груди,
Еще порохъ, быть можетъ, найдется, —
Значить, все хорошо впереди.

Мы не знали, мы грубо не знали
Въ чемъ опасность... Не знали, — и вотъ
Самый главный ихъ фортъ отобрали,
Ихъ послѣдній суровый оплотъ.

Хороши пустячки: преискуранты,
Рукодѣля, плакаты... Ого!
Ишь чего напридумали франты...
А теперь обошлось... Ничего!

Посмотрѣть: башмаки, ремингтоны,
Да портреты тирольскихъ козлятъ,
Пиджаки, табаки, граммофоны...
А разсмотришь, — крамольнѣйшій ядъ.

Посмотрѣть на картинки: китайцы,
Полководцы, медвѣди, солдатъ,
Альбатросы, стрекозы да зайцы...
А вчитайся, — крамольнѣйшій ядъ.

Посмотрѣть: рукодѣля, сашетки,
Ридикюли, узоры, нарядъ,
Кружева, шемизетки, розетки...
А поглубже, — крамольнѣйшій ядъ.

Мы опасности главной не знали,
Но теперь заживемъ безъ заботъ;
Ихъ послѣдній мы фортъ отобрали,
Ихъ послѣдній суровый оплотъ.

Мы теперь на хорошей дорогѣ.
Мы теперь, какъ и прежде, сильны.
Вотъ трофеи — всѣ ихъ каталоги,
Что вели къ разрушенью страны...

Евг. В-ий.

ВОЖДЬ РАСКРАШЕННОКАРИХЪ.

Въ Москву пріѣхалъ
Маринетти.

Изъ газетъ.

На платформѣ человекъ десять съ раскрашенными лицами выстроились въ шеренгу.

Молодой человекъ съ эго-морковкою въ петличкѣ обходилъ фронтъ и командовалъ:

— Гляди глупѣй!

— Не дыши носомъ! Затылкомъ, подлець, дыши!
Затылкомъ! Пусть гнусные мѣщане дышутъ носами.

Въ публикѣ шелъ разговоръ:

— Кто эти господа?

— Футуристы. Генерала своего ждуть.

— Развѣ и футуристы имѣютъ начальство?

— Какъ-же! Развѣ есть русскій человекъ безъ начальства?

— А откуда генералъ? Изъ Петербурга?

— Нѣтъ, изъ Италіи. Русскій человекъ любитъ, чтобы не только костюмъ, цилиндръ и галстукъ, но и чтобы генералы у него были заграничные.

Въ эту минуту послышался свистокъ подходящаго поѣзда.

— Под-тя-нись! — скомандовалъ человекъ съ эго-марковкой въ петлицѣ.

Всѣ подтянулись. Поѣздъ подошелъ. Съ площадки вагона перваго класса соскочилъ брѹнетъ среднихъ лѣтъ. Это былъ Маринетти.

Грянулъ футуристскій гимнъ:

„Мари-и-нети!
„Дай котлетки.
„Капуллетти!
„Маринетти!

Итальянскій гость въ это время подошелъ къ шеренгѣ и поздоровался:

— Здорово, ребята!

— Здравжламъ вашество!

Молодой человекъ съ морковкою подошелъ къ вождю футуристовъ и представился:

— Крученыхъ!

— Очень пріятно. А почему марковка у васъ чищенная? Футуристъ, милостивый государь, долженъ носить морковку грязную, нечищенную. Вдругъ появится у васъ желаніе скушать морковку, неужели, какъ какой-нибудь презрѣнный Шекспиръ, станете ѣсть чищенную марковь? Стыдитесь. Сейчасъ-же запачкайте ее грязью.

Крученыхъ, сгорая со стыда, снялъ марковь и, поднявъ ногу, сталъ счищать ею грязь съ сапога. Когда вся она стала черной, Маринетти похвалилъ его:

— Теперь хорошо. И украшаетъ, и въ пищу годится. Рапортъ!

Крученыхъ вытащилъ изъ бокового кармана вчетверо сложенный листъ бумаги и подалъ Маринетти.

Послѣдній сталъ читать:

— По сегодняшній день въ Москвѣ футуристовъ мужескаго пола состоитъ — 11½ человекъ; въ Петер-

бургъ — $7\frac{3}{4}$ человекъ, а во всей остальной Россіи $2\frac{1}{4}$ человекъ — всего живыхъ футуристовъ въ Россіи находится $21\frac{1}{2}$ человекъ футуристскаго званія.

— Такъ мало! — вспылить Маринетти: — На сто пятьдесятъ миллионъ человекъ $21\frac{1}{2}$ футуриста!

— Не идутъ! — грустно сознался Крученыхъ.

— А силой брать въ футуристы не можете?

Крученыхъ молчалъ. Тутъ изъ строя вышелъ молодой футуристъ и торжественно произнесъ:

— Стихи сочинилъ въ честь пріѣзда нашего великаго гостя. Разрѣшите прочесть?

— Пожалуйста! Пожалуйста!

Футуристъ сталъ читать, подобно Игорю Сѣверяину, на распѣвъ слѣдующее стихотвореніе:

„А, б, в, г, д, е, ж,
„З, і, и, й, к, л, м,
„Н, о, п, р, с, т, у,
„Ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ,
„Ы, ь, ѣ, э, ю, я, е“.

При словѣ „е“ голосъ футуриста зазвенѣлъ, какъ серебряный колокольчикъ, и истинное вдохновеніе засверкало въ его глазахъ.

Маринетти обнялъ его и поцѣловалъ.

— Гдѣ краски берете? — спросилъ онъ вдругъ футуристовъ.

— Гдѣ попадется. Одни сурикомъ разрисовываютъ лица; другіе охрой; третьи просто разноцвѣтными чернилами.

— Глупо! — произнесъ Маринетти: — А какъ раскрашиваете лица?

— Становимся передъ зеркаломъ и красимъ.

— Глупо! — опять сказалъ Маринетти: — Очень глупо.

Подумалъ немного и сказалъ:

— Краску будете выписывать отъ меня. Я специальную фабрику красокъ открываю. Кисти тоже отъ меня. А краситься надо такъ: снимаютъ голову, ставятъ ее на столъ и расписываютъ.

— Слушаемъ!

— А теперь айда въ городъ! Кремль у васъ, говорятъ, какой-то есть.

— Есть!

— Развалить надо. Впередъ!

Футуристы снова выстроились. Послышалась команда Крученыхъ:

— Лѣвую ноздрю впередъ! Шагомъ-маршъ!

Футуристы двинулись впередъ къ Кремлю...

Впереди шелъ самъ вожь раскрашеннокарихъ.

Рядомъ съ нимъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣжалъ Крученыхъ.

Небо плакало надъ Москвой.

О. Л. Д'оръ.

ПРОМЕТЕЙ.

„Въ Нов.-Симеивѣ въ честь Думбадзе названъ его именемъ проспектъ“.

Пускай враги, въ несносномъ гвалтѣ,
Меня поносятъ... — Крикъ дѣтей!

И въ Θεодосіи, и въ Ялтѣ

Я живъ въ вѣкахъ, какъ Прометей.

Десятки улицъ въ каждомъ градѣ,

Аллей, мостовъ и площадей

Блеснутъ въ торжественномъ нарядѣ,

Очамъ смѣнвшихъ насъ людей..

Героя славнаго, холопа-ль,

Они сразятъ всего сильнѣй, —

Зри: Симферополь, Севастополь —

Всѣ полны памятью моею.

Лети, пилотъ, при тихомъ вѣтрѣ,

И ты увидишь въ томъ краю,

На снѣгѣ дѣвственномъ Ай-Петри,

Большую доску въ честь мою.

Евг. В.

Рис. Б. Григорьева.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ГОРЕ.

— Ужасное положеніе... оставаться въ вуалеткѣ — думать, что уродъ! А если не надѣвать вуалетки — нельзя бѣлиться и румяниться — градоначальникъ запретилъ пивъ санныя вывѣски.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Великосвѣтскій столъ.

Всѣ мы прекрасно знаемъ о томъ, насколько разнообразенъ и изысканъ столъ великосвѣтскихъ домовъ, но послѣднія данныя подтверждаютъ, что изысканность этого стола принимаетъ нѣсколько рискованные размѣры. Какъ говорить одна газета:

„Въ 3-хъ верстахъ отъ деревни „Любитово“, близъ Бронницъ, Новгородск. губ., на этихъ дняхъ состоялась охота при участіи офицеровъ и представителей великосвѣтскаго общества. Во время охоты были убиты: медвѣдь, медвѣдица, два медвѣженка, обкладчикъ кр. Ф. Дмитріевъ, и ободраны два другихъ крестьянина.

Трудно представить себѣ, что, при современномъ увлеченіи вегетаріанствомъ, можно приготовить изъ простаго крестьянина, да къ тому-же еще ободраннаго.

Разсудительность — мать Розанова.

Есть люди, которые умѣло пользуются жизнью и могутъ каждый мелкій фактъ оцѣнить по достоинству. Даже въ тѣ моменты, когда имъ трамваемъ переламываетъ ноги, они благодарятъ судьбу, которая дала имъ возможность испробовать правильность маршрутовъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Такъ, по поводу своего исключенія изъ членовъ „Религіозно-Философскаго Общества, В. В. Розановъ заявляетъ:

„Все „исключеніе“ принесло мнѣ удовольствіе, показавъ сверхъ ожиданія, что и въ теперешнемъ обществѣ я не забытъ, не пренебреженъ и даже имѣю сочувствіе“.

Такъ иногда благодущные люди, которыхъ за неприличное поведеніе выбрасываютъ изъ дома — всѣмъ семействомъ и съ домашней прислугой, со слезами умиленія рассказываютъ внизу швейцару:

— Вотъ уже именно, говорятъ... Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей...

Золотыя слова.

Когда генераль Думбадзе вернулся изъ своего паломничества въ Египетъ, на родину,

ему доложили въ Одессѣ, что на его имя получено много телеграммъ, Думбадзе печально сказалъ: „Бросьте ихъ въ воду, пусть забудутъ о Думбадзе“.

Потомъ вдругъ спохватился и добавилъ:

— Нѣтъ, лучше вышлите... Пусть помнятъ о Думбадзе.

Таксо-театръ.

Когда гостившему въ Москвѣ итальянскому футуристу Маринетти предложили вопросъ о театрѣ,

— будущій театръ долженъ быть ближе къ мотору, чѣмъ къ Шекспиру, — съ улыбкой отвѣтилъ Маринетти.

— А какая разница между этими понятіями — забыли спросить у Маринетти.

— Видите-ли — съ улыбкой отвѣтилъ-бы Маринетти — моторъ умѣетъ пахнуть бензиномъ... Бѣдный старикашка не отличался этой способностью...

Разумная мѣра.

Долгіе споры о водкѣ въ Госуд. Совѣтѣ дали совершенно неожиданные результаты.

Гр. Д. А. Олсуфьевъ предложилъ, что если кому нужно большее, чѣмъ бутылка, количество водки, тотъ долженъ себѣ выбрать отъ полиціи на то удостовѣреніе.

Приобрѣтеніе водки, какъ мы поняли это предложеніе, должно быть разрѣшаемо участковой полиціей только въ виду исключительныхъ и не терпящихъ отлагательства случаевъ — случаевъ пожара, или потери трудоспособности, если сіе будетъ узаконено свидѣтельствомъ врача.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Фастовское дѣло принимаетъ дѣйствительно ритуальный оборотъ.

Какъ сообщаетъ одна изъ петербургскихъ газетъ,

въ городѣ распространился сенсационный слухъ, что арестъ отца и подмастерья связанъ съ версіей объ убійствѣ христіанскаго мальчика, а не Пашкова.

Обрѣзаніе убитаго мальчика, какъ передаетъ молва, совершено только послѣ убійства.

Еврейское засилье пустило такіе глубокіе корни, что нельзя ручаться ни за что... Кто знаетъ, быть можетъ, послѣ похоронъ несчастнаго мальчика заставить выдать убійцъ не только на судъ, а просто въ частномъ разговорѣ со слѣдователемъ...

Американское веселье.

О своеобразномъ развлеченіи американцевъ рассказываетъ въ Думѣ Марковъ II:

— Американская полиція бьетъ по черепахъ за то, что играютъ въ азартныя игры, и въ демократической республикѣ никто не поднимаетъ по этому случаю ни вопросовъ, ни злупросовъ.

То, что молчатъ американцы, когда ихъ обижаютъ полицейскіе — это странно, но еще непонятнѣе, почему протестуетъ Марковъ II, котораго, кромѣ Бога, никто не обижалъ?..

Учебное пособіе.

Въ одной изъ петербургскихъ гимназій за урокомъ застрѣлился ученикъ, а

сегодня во всѣхъ почти казенныхъ и частныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ молитвы, ученикамъ было предложено ни въ коемъ случаѣ не приносить на занятія огнестрѣльнаго оружія.

Очевидно, число учебныхъ пособій за послѣднее время было сильно увеличено въ количествѣ.

HONNI SOIT QUI MAL Y PENSE.

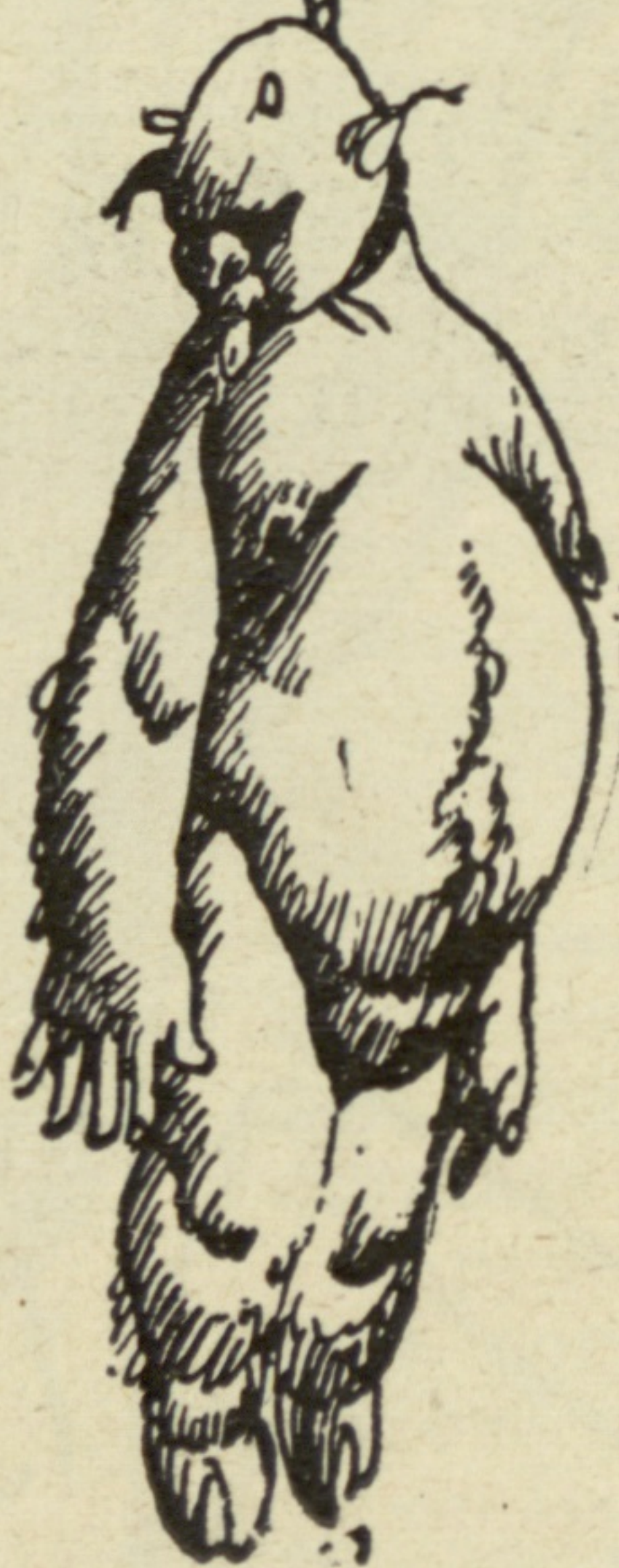
ЖЕЛТЫЯ ЛИСТЫЯ.

Женѣ моей.

I.

Краски осени горѣли,
Стыла синяя рѣчка,
Пѣли звучныя свирѣли,
Проплывали облака.
Листья падали съ печалью,
Золотой шумѣлъ потокъ,
Ты ловила ихъ вуалью,
И плела себѣ вѣнокъ.
По тропинкѣ убѣгала,
Недоступна и близка,
Лента красная пылала
У прозрачнаго виска...
Ты была, моя принцесса,
Самый свѣтлый первый сонъ
Засыпающаго лѣса,
Чтобы въ май повѣрилъ онъ.
Улыбалась... Уступала...
Взоры были такъ ясны.
Утомленная, упала
Подлѣ дремлющей сосны.
Платье складкою небрежной
Сбилось возлѣ стройныхъ ногъ,
Гдѣ у грани бѣлоснѣжной
Черный кончился чулокъ.
Я склонился въ тихой ласкѣ,
И на кожѣ алый слѣдъ
Голубой твоей подвязки
Поцѣлуемъ былъ согрѣтъ.
Темной ночью шли обратно,
Свѣтъ зари давно погасъ,
Листья желтые невнятно
Намъ шептали: въ добрый часъ!..

Валентинъ Горянскій.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ.

Вѣтеръ шелестомъ усталымъ
Тронулъ иглы у сосны
И поплылъ надъ снѣгомъ талымъ
Теплымъ призракомъ весны.

Завтра новыми лучами
Заиграютъ небеса,
И омоются ручьями
Обогрѣтые лѣса.

Замелькаютъ стаи птичьи
Выше храма у креста...
Не сбылись мечты дѣвичьи
До Великаго Поста!

В. В. В.

ВЪ ВАГОНЪ.

Чьимъ-то ноющимъ рассказомъ
Сбиты мысли въ липкій комъ,
И мигаетъ блѣднымъ газомъ
Шаръ подъ самымъ потолкомъ...
Визави — уткнувшись носомъ
Въ пре-е-пикантнѣйшій романъ,
Помогая мысли носомъ,
Дремлетъ грозный капитанъ...
Рядомъ дама доѣдаетъ
Сыръ и жметъ мнѣ локтемъ бокъ,
И — никто не разгадаетъ,
Это — случай иль намекъ.
Примостясь на верхнихъ полкахъ,
Два упитанныхъ юнца,
Утонувъ въ избитыхъ толкахъ,
Ищутъ истинъ безъ конца...
Повернувши профиль къ свѣту,
Я не знаю, что начать —
Взяться что-ли за газету
Иль отвѣтно бокъ нажать...

Сергѣй Михѣевъ.

СИНИЦА ВЪ РУКИ.

„Ахъ, комплименты, комплименты!“

— Я къ вамъ, — сообщилъ я по-англійски. — Вотъ тутъ, господинъ Уэльсъ, небольшую бумажку подписать требуется-да, да. Во-отъ тутъ, съ краешку. Гербертъ Уэльсъ — больше ничего.

— Позвольте, какую бумажку?

— Да, такъ пустяковую... Частное дѣло, для личнаго употребленія. А вотъ тутъ-адресочекъ, будьте любезны.

— Извините, милостивый государь, раньше, чѣмъ подписываться, я долженъ знать, подъ чѣмъ подписываться.

— Извольте прочесть.

— Не могу, я по-русски не понимаю.

— Дозвольте, я прочту... „Я, нижеподписавшійся...“

— Послушайте, вы по-русски читаете?!

— Да, точно такъ.

— Я же сказалъ вамъ, что по-русски я не понимаю.

— Никакъ нѣтъ — вы сказали, что читать не понимаете, а слушать — другое дѣло. Все понимаете.

— Что за вздоръ!

— Простите — ваши слова. Помните, когда „Трехъ сестеръ“ въ художественномъ театрѣ ставили, какъ вы по этому случаю выразились? „Все понялъ. Все до единого понялъ“.

— Такъ тамъ — мимика.

— У меня тоже мимика. Еще лучше. Художественный театръ — сдержанный, это не *Comédie française*; зубами не шелкаютъ, бѣлками не крутятъ, не храпятъ, слюной не бьютъ.

— Ну, читайте.

Я откашлялся и выразительно прочиталъ.

„Я, нижеподписавшійся, англійскій писатель Джорджъ Гербертъ Уэльсъ, беру на себя смѣлость свидѣтельствовать“:

Уэльсъ насторожился.

„... свидѣтельствовать, что прежде всего русскіе — люди“.

— Какъ, какъ?

— Русскіе — люди.

— Ага... Хорошо.

„Благодаря ли сравнительно холодному климату или извѣстной ступени развитія, но всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, ходятъ не голыми, а въ одеждѣ“.

— Послушайте, это вѣдь и безъ того ясно.

— А ясно, такъ и тѣмъ лучше, — холодно возразилъ я.

— Я и самъ знаю, что ясно. Не мѣшайте.

„Живутъ эти люди (sic) въ домахъ, одноэтажныхъ и многоэтажныхъ. Для пріѣзжихъ имѣются гостиницы, въ которыхъ человѣкъ можетъ пользоваться комнатой — одной или нѣсколькими, — прислугой, ванной, освѣщеніемъ и отопленіемъ, а по желанію и столомъ“. — Это васъ не смущаетъ?

— Н-нѣтъ.

— Значить, подъ этимъ пунктомъ можете подписаться?

— Да-да... Могу. Только почему непременно...

— Виновать, еще не все. „Мало того. У русскихъ замѣчаются даже слѣды письменности, есть нѣкоторое подобіе искусства, живописи, литературы и даже... театр“.

Уэльсъ заткнулъ уши.

— Я такъ читать не могу, — сказалъ я.

— И не надо. И не надо.

Онъ заговорилъ красиво и вразумительно:

— Послушайте, дорогой мой. Но вѣдь это — абсурдъ, извините меня. Я вамъ говорю, что Москва — изумительнѣйшій городъ, который я только видѣлъ, что Художественный театръ самый передовой и художественный въ мірѣ, что Москва-рѣка самая красивая рѣка въ мірѣ, а вы требуете съ меня какую-то тамъ расписку, что русскіе — люди.

— Да и не только люди, а и все, что я вамъ прочиталъ.

— Удивительно! Да зачѣмъ вамъ непременно расписка?

— Что написано перомъ, того...

— Чудакъ... Да вы газеты-то читаете? Отзывы мои слышали?

— Слышалъ.

— Да я васъ первой націей считаю! — комикъ въ этакій. Кто первымъ Гамсуна призналъ? — вы. Ницше? — вы. У кого Достоевскій? — у васъ. Толстой? — у васъ. Вы, вы, вы, у васъ, у васъ, у васъ!

— А расписку все-таки позвольте, — тупо косясь въ уголь, сказалъ я. — Не сули журавля въ небѣ, дай синицу да въ руки. У насъ такъ.

— Гм... Поражаюсь, прямо поражаюсь. Что же вы съ ней будете дѣлать, съ этой „распиской“.

— Въ подолъ ее зашью.

Уэльсъ пожалъ плечами.

— А потомъ, когда придетъ время, подолъ распорю и во всѣхъ англійскихъ газетахъ напечатаю, чтобы всѣ знали, какіе мы русскіе.

— Да. голу-бчикъ, — добродушно и убѣдительно проговорилъ Уэльсъ. — Ну, что вы на самомъ дѣлѣ, ну-зачѣмъ? Неужели вамъ нашихъ словъ недостаточно? Ришпенъ, Франсъ, Гамсунъ, Верхарнъ, я — всѣ въ одинъ голосъ...

— Я знаю, всѣ вы такъ, — глядя на него изъ подлѣбья протянулъ я. — Сначала наговорите, наговорите, обласкаете, а потомъ бросите. А потомъ нашему брату за границу совѣстно показаться. Я вѣдь знаю, я вѣдь былъ. На моихъ глазахъ сверкнули слезы.

Всѣ насъ за готентотовъ считаютъ!... Пустите, не трогайте... Ыдите, ѣдите, хвалите, хвалите, а какъ къ вамъ пріѣдешь, никто ничего не знаетъ. „Да нешто писатели у васъ есть? Да нешто-композиторы? Скажите... А-я-яй, а мы и не знали. Какъ вы выразились — Достоевскій? Какъ вы назвали — Глинка? — Да когда же вы узнаете, чортъ побери!“

Уэльсъ покашлялъ.

— Извините... Но вѣдь сами, господинъ Уэльсъ, посудите — какого же хрѣна? — стараемся, стараемся, и какъ въ стѣнку горохъ. Хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ, вотъ прошлымъ лѣтомъ съ однимъ адвокатомъ изъ Болоньи около Генуи встрѣтился. Разговорились... Вотъ вамъ крестъ, что у насъ гостиницы есть, не вѣрилъ, а ужъ что повыше — и говорить нечего.

Да что у нихъ тамъ университетъ — для болонокъ, что ли? Уэльсъ сочувственно покачалъ головой.

— Распишитесь, — попросилъ я. — Ну, ей-Богу. Надо же чтонибудь предпринять. Я ужъ все за васъ сдѣлаю — и переведу, и въ газеты ваши пошлю, ну все, все... Ну, пожалуйста. Я протянулъ карандашъ.

— Не могу, — отстраняя мою руку, рѣшительно проговорилъ Уэльсъ. — Нѣтъ, нѣтъ — не могу. Что будетъ нужно, я самъ сдѣлаю, самъ напишу.

— Да что? Что?

— А вотъ все... Все, что вы здѣсь написали, и даже больше. Много больше.

— Не надо — больше, — стараясь поймать его взглядъ — попросилъ я. — Съ насъ достаточно. Хорошо? Да?... Напишите?

Уэльсъ отвернулся.

Георгій Ландау.

МАНСАРДА.

(Инвентарь).

Столъ безъ ножки. Стулъ. Кушетка.
Въ „Вѣнѣ“ спертая салфетка.
Пять тетрадокъ. Карандашъ.
Бильеду одной изъ Дашъ.

Брюки, ростомъ на младенца.
Тазъ. Гребенка. Полотенце.
Весь въ окуркахъ, грязный полъ.
Вата. Пепель. Protargol.

Первый томъ стихотвореній.
Два чулка, забытыхъ Женей.
(Третій, Манечкинъ, чулокъ
Фоксъ хозяйкинъ уволокъ).

Семь калинкинскихъ бутылокъ.
Отъ „Давыдки“ пара вилокъ.
Изъ-подъ водки пять посудъ.
„Современникъ“, „Жизнь и Судъ“.

Чайникъ. Чашка и спиртовка.
Съ добрымъ „отзывомъ“ „Биржевка“.
„Жизнь“ съ портретомъ. Пыль. Сонетъ.
И поклонницынъ корсетъ.

Сорокъ счетовъ отъ „Давыдки“.
Шляпа. „Вѣнскія“ открытки.
Гость съ лохматой головой,
Безсловесный, но живой.

Все въ девятомъ этажѣ.

Чѣмъ, ей-Богу не Мюрже?!.

Евг. Ленскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Какъ о балетѣ (танцы Карсавиной) пишутъ „Бирж. Вѣд.“ — конечно, руками Акима Волинскаго, и какъ пишетъ „Петерб. Листокъ“:

Акимъ:

Нѣсколько отвыкнувъ отъ стилиа идей высокой пластики, артистка все-же, при изысканной своей индивидуальности, не могла окончательно окунуться въ стихію вульгарнаго жеста безъ принципа и мысли. Она осталась гдѣ-то на серединѣ пути между традиціей и новшествами хореографіи, представляющими разнообразіе искусства богемныхъ эстрадъ, съ ихъ бурями специфическаго, особеннаго оргіазма и вихрями сексуальности, бьющими на скандалъ. Даже крыло желтаго дьявола, трепавшее этотъ талантъ по вѣтру шикарныхъ антрепризъ, окончательно его не погубило. Инертная сила, замедлявшая процессъ, уступаетъ мѣсто стихіи активной, стихіи порыва, идущей иными путями. Рождаются круги. Полеты сверкаютъ орнаментомъ заносокъ, похожимъ на игру граней брилліанта.

А вотъ — изъ „Петерб. Листка“:

Т. П. Карсавина пріѣхала... и фокинскіе балеты ожили. Вся эти изгибы, перегибы, потягиванія у нея такъ мило выйдутъ. Что и говорить: врожденная грація... и артистка. Но... а танцы какъ? Ой, какой трудный вопросъ! У Фокина пляшутъ, а не танцуютъ! И балерина хорошо пляшетъ.

Г. Владиміровъ танцовалъ; у него въ „Армидѣ“ имѣется вариация. На этотъ разъ воздушности было не такъ много, въ финальной кодѣ артистъ брыкнулъ въ одного изъ окрестъ стоящихъ.

А по нашему — простыя русскія слова: „перегибы, потягиванія, брыкнулъ“ — ей-Богу, лучше какъ-то, чѣмъ изысканный „оргіазмъ и вихри сексуальности брилліантовыхъ заносковъ“.

* * *

Въ богоспасаемомъ Бердянскѣ показываютъ въ кинематографѣ „Въ погоню за славой“, современную драму въ 2-хъ частяхъ, разыгранную „лучшими артистами парижскаго королевскаго театра“.

Конечно, кинематографъ великая вещь, но зачѣмъ же мѣнять государственный строй дружественной намъ и союзной державы?

Не содержать-ли этотъ бердянскій кинематографъ генераль Буланже?

* * *

Въ Твери любители драматическаго искусства исполнили 6-го января „трехцвѣтную фіалку“, комедію П. П. Гнѣдича.

Комедія Гнѣдича называется „Viola tricolor“, что въ переводѣ на русскій языкъ обозначаетъ вовсе не „трехцвѣтную фіалку“, какъ наивно вообразили тверскіе любители, а простыя анютины глазки.

Имѣйте въ виду, тверскіе любители, что Mania Grandiosa въ переводѣ на русскій языкъ превращается не въ Маню Грандіозову, а въ манію величія.

Трудные эти, чортъ ихъ возьми, иностранные языки!

* * *

Человѣчскій документъ изъ газеты „Варшавская мысль“.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Дайте мнѣ, бѣдной женщинѣ, возможность путемъ печати бросить въ лицо правду „друзьямъ моего мужа, которые, завѣдомо, ведутъ мою семью къ гибели. Съ „друзьями“ моего мужа я незнакома и поэтому не могу лично каждому изъ нихъ сказать, что такъ поступаютъ только... нечестные люди. Не могу этого имъ сказать еще потому, что люди эти занимаютъ въ нашемъ, къ слову сказать, грязномъ городѣ относительно видное положеніе и поэтому судиться съ ними для мужа опасно.

Дѣло вотъ въ чемъ. Мой глупый мужъ (прости мнѣ, другъ, что я называю тебя глупымъ, но, право же, ты глупъ: сядишь играть съ завѣдомо нечистоплотными людьми) имѣетъ страсть къ картамъ. Играетъ онъ отвратительно, въ особенности, когда выпьетъ. И вотъ „друзья“, пользуясь его слабостью, затаскиваютъ въ игорный домъ и тамъ обыгрываютъ.

Этимъ письмомъ я убѣдительно прошу „друзей“ не играть съ моимъ мужемъ, когда онъ послѣ 3—4-хъ рюмокъ вина не можетъ отличить валета отъ дамы, въ противномъ случаѣ я вынуждена буду всѣхъ Васъ назвать по фамиліи, а если и это не поможетъ, то, что дѣлать, придется примѣнить болѣе рѣшительныя мѣры... не бойтесь, кислотой не оболью, но при встрѣчѣ плюну въ физиономію.

Жена коллежскаго регистратора Марія Снѣговская.

* * *

Отрывокъ разсказа „Ландыши“ (№ 1 „Летучей студенч. библиотекѣ“):

... Я живо представилъ себѣ твое лицо, твои глаза, растрепавшіеся, прилипшіе къ вспотѣвшему лбу...

А слово „волосы“ авторъ загналъ уже въ самый конецъ этой удивительной фразы.

Было бы несправедливо не довести до свѣдѣнія читателей — каковъ стиль у редактора „Кременчугск. Трудов. копѣйки“, Вольфмана:

Сегодня въ народной аудиторіи состоится студенческой вечеръ, достойный по своей цѣли интереса и общественнаго вниманія со стороны уважающей его публики, который увидя щедроты своего города и его интеллегенціи принесетъ въ даръ ихъ на пользу студентовъ Кіевского Политехническаго Института.

Пусть тотъ студенческой вечеръ заслуживая полную благодарную цѣль со стороны нашей интеллегенціи пробудитъ въ ихъ сердцахъ новое свѣтлое благодѣянія, которые своимъ посвященіемъ въ народной аудиторіи оправдаютъ его.

* * *

Г-нъ Sidens, рецензентъ „Двинскаго Листка“, описывая игру артистовъ труппы Суходрева въ пьесѣ „Измѣна“, между прочимъ, замѣчаетъ:

Роль царицы Зейнабъ превосходно разыграла г-жа Свѣтлова. Артистка, что называется, выступила въ „блестящемъ стилѣ бури и натиска“.

Далѣе Sidens пишетъ:

Г-жа Свѣтлова своимъ художественнымъ чутьемъ разрѣшила (?) сцену прекрасно и создала изъ нея подлинный бытовой штрихъ.

Нужно быть геніемъ, чтобы изъ цѣлой сцены создать одинъ бытовой штрихъ. И наврядъ-ли такую геніальность поставятъ въ заслугу.

* * *

Журналъ „XX вѣкъ“ сообщаетъ, что одинъ французскій милліонеръ заказалъ себѣ особую кровать,

которая будитъ спящаго трезвономъ колокольчика, потомъ, сама собой зажигается лампа. Затѣмъ, механическимъ способомъ со спящаго стаскивается ночной колпакъ; если-же онъ не встаетъ, снова раздастся колокольчикъ, и передъ глазами встаетъ видѣніе отъ сна милліонера появляется дощечка съ надписью „вставайте“ (debout!); если-же и это приглашеніе не дѣйствуетъ, то кровать подбрасываетъ соннаго; и онъ скатывается на полъ.

Если и это не подѣйствуетъ, то кровать переноситъ милліонера на диванъ, укладываетъ его тамъ, а сама, одѣвшись во фракную пару, ѣдетъ, вмѣсто заспавшагося хозяина, на какое-нибудь засѣданіе.

Рис. Ре-ми.

ЛЕВЪ БАКСТЪ.

Мы называемъ его своимъ, французы своимъ. Французы его такъ любятъ, что, когда въ прошломъ году Л. Бакстъ прїѣхалъ въ Петербургъ, они просили русскую полицію выслать его, какъ неимѣющаго право жительства въ столицѣ, въ надеждѣ, что художникъ опять прїѣдетъ въ Парижъ... и добились своего.

Л. Бакстъ очень справедливый человекъ. Мужчинамъ, за угнетеніе слабаго пола, онъ отомстилъ тѣмъ, что выдумалъ для женщинъ необыкновенные костюмы (изволь платить!), а женщинамъ, за угнетеніе мужчинъ, отомстилъ тѣмъ, что эти костюмы можно надѣть, только изломавъ все тѣло (ломаютъ, а надѣваютъ) — въ результатѣ художникомъ довольны и они, и онъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что этотъ образованнѣйшій человекъ, европеецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, очень часто нарушаетъ общественную тишину и спокойствіе всего міра „последнимъ крикомъ моды“.

БѢЛАЯ ПТИЦА.

Вы пляшете, вскрикомъ взметенныя руки...
Эво! . Эвоэ!.. Эвоэ!..
Стрѣла бѣлоснѣжна въ танцующемъ лукѣ
То спущена, то въ тетивѣ.

И пляска, и пляска, и любая пляска,
Ахъ, любо мнѣ, любо такъ жить,
И бѣлаго газа завязку, развязку
Упрямо и прямо кружить.

Ахъ, бѣлое тѣло, взметенно и смѣло,
И съ воздухомъ слито на мигъ,
Мнѣ смертному пѣло, мнѣ слабому пѣло,
И ласку я въ пляскѣ постигъ.

Пляши, плясовица!.. Взметенная птица!
Плясать — это жить, это жить.
Ты будешь мнѣ сниться, ты будешь мнѣ сниться,
Надъ сердцемъ, бѣлѣя, кружить.

И ласковымъ газомъ задернута разомъ,
Ты будешь опять въ тетивѣ.
Будь свята, цѣлуема свѣтлымъ экстазомъ.
Эво!.. Эвоэ!.. Эвоэ!..

Сергѣй Горный.

СНОТВОРНОЕ СРЕДСТВО.

I.

Обычно, когда въ Петербургѣ еще стояла гнилая зима, супруги Кекины уѣзжали въ Крымъ „встрѣчать весну“.

И лишь на седьмой годъ супружеской жизни Владиміръ Ивановичъ Кекинъ рѣшительно отказался отъ мысли ѣхать въ Ялту вмѣстѣ съ женой.

Недѣли за двѣ до обычнаго отъѣзда онъ сказалъ женѣ за вечернимъ чаемъ:

— Знаешь, что, Маруся, въ Крымъ нынче я поѣхать не смогу ни подъ какимъ видомъ... Дѣла по горло, голубушка!.. Не освѣжишься, не отдохнешь, а еще больше истомишься и нанервничаешься съ этой поѣздкой... А ко всему, если ужъ быть до конца искреннимъ, надо признаться, что изрѣдка бываетъ очень полезно на время разставаться... Разлука, милая моя, гаситъ лишь маленькую любовь, а большую раздуваетъ еще сильнѣе.

Онъ ласково улыбнулся, нѣжно поцѣловалъ жену въ лобъ и добавилъ, уходя въ кабинетъ:

— Да и тебѣ не мѣшаетъ отдохнуть отъ меня. Васюку тоже не излишенъ морской свѣжій воздухъ. Оба поправитесь немножко... Изоляція, мой другъ, и свобода — наилучшее лѣкарство!..

Марья Константиновна пожала плечами и сухо отвѣтила:

— Какъ хочешь. Тебѣ виднѣе.

У себя въ кабинетѣ Владиміръ Ивановичъ вкусно зѣвнулъ и замѣтилъ самъ себѣ:

— Отдѣлался, и кончено.

И заснулъ, растянувшись на диванѣ.

А Марья Константиновна долго сидѣла въ тотъ вечеръ на кровати въ одной сорочкѣ, долго стаскивала чулокъ съ лѣвой ноги и, мечтательно глядя на нее, размышляла:

— Надоѣлъ, какъ изношенный капотъ!.. А вѣдь убѣжденъ, болванъ, что я, безъ него жить не могу... Не мужчина, а оципаннй каплунъ, прости Господи!..

Затѣмъ легла, сладко потянулась, закрыла глаза, скорчила брезгливую гримасу, да такъ съ ней и заснула.

II.

Въ февралѣ Кекина съ пятилѣтнимъ сынишкой Васей и вертлявой горничной Дуней уѣхала въ Ялту.

А вскорѣ по прїѣздѣ она познакомилась въ курзалѣ съ курортнымъ донъ-жуаномъ Ластовскимъ, который сталъ за ней явно ухаживать.

Маринетти (глава футуристовъ): — Я покажу съвернымъ варварамъ настоящее искусство: живопись, музыку, танцы... вотъ обрадуются-то.

— Переѣхалъ границу. Вдругъ крушеніе, говорятъ, это они сдѣлали нарочно, чтобы я въ натурѣ увидѣлъ то, что въ Италіи видѣлъ только на футуристическихъ холстахъ. Гм... въ натурѣ-то впечатлѣнія получились нѣсколько инныя... но все-таки спасибо имъ!

— Гм... однако, эти варвары оказались болѣе культурными, чѣмъ я думалъ. Почти все простолюдины заходятъ въ какіе-то дома, навѣрно танцевальныя, и выходятъ оттуда, выдѣлывая самыя замысловатыя футуристическія танцы.

— Вотъ и Петербургъ... Это настоящій городъ футуристовъ. Чортъ возьми! Какія красивыя выходили, эти зигзагообразныя улицы на моихъ картинахъ! — и какъ дьявольски неудобно по нимъ ѣздить!

— Извозчикъ меня надулъ. Обратился къ властямъ. Боже мой! Я никогда не думалъ, когда создавалъ будущую „музыку шумовъ“, что русскіе успѣли ее такъ хорошо изучить. Точно самъ Халлила Прателла дирижировалъ оркестромъ. Я услышалъ вой, крикъ, потомъ пронзительный свистъ... Странно, въ Россіи мнѣ эта музыка не понравилась! Пришлось, даже, за объясненіемъ обратиться къ итальянскому консулу.

— Уѣзжаю изъ страны, которая на практикѣ осуществила все принципы футуризма. Гм... и знаете, что? — мнѣ она не понравилась!

Странно, футуристы — это люди будущаго, но для этой страны, страны, населенной футуристами, я не вижу будущаго.

МОДЕРНИСТЫ.

— Раньше хорошо было. Писали картины по нѣскольку лѣтъ, писали картины большія, а теперь картину писать самое большее можно 2 часа!

— Неужели такой спросъ на нихъ?

— Нѣтъ, — а то картина устарѣетъ.

Онъ иногда заходилъ по вечерамъ къ Марьѣ Константиновнѣ, цѣловалъ ея руки, долго не выпуская изъ своихъ, томно смотрѣлъ въ ея уже блекнушіе, оправленные въ тонкія морщинки глаза, останавливалъ на мгновение свой жадный взоръ то на ея немного увеличенномъ бюстѣ, то на обтянутыхъ модной юбкой бедрахъ и говорилъ отрывисто, какъ бы задыхаясь:

— Какая вы красивая, Марья Константиновна!.. Вы удивительно напоминаете мнѣ розу, которую я недавно видѣлъ во снѣ... Это была роскошная роза, странная роза!.. Я, право, затрудняюсь передать вамъ, въ чемъ было именно ея очарованіе. Она была пышная, хрупкая и влажная. Отъ нея исходилъ дразнящій тонкій ароматъ. И, чѣмъ больше я тянулся къ дымчато-краснымъ лепесткамъ, тѣмъ опьянительнѣе становился запахъ. И вотъ я слегка коснулся губами той розы, и вдругъ всѣ лепестки ея осыпались... Нѣтъ, я, право, затрудняюсь передать вамъ въ точности свой дивный сонъ, отъ котораго у меня еще и сейчасъ замираетъ сердце. Не знаю почему, но все время я ассоціировалъ эту дымно-красную розу съ вами, Марья Константиновна.

Ластовскій беспомощно разводилъ руками, глубоко вздыхалъ, порывисто хваталъ руки Кекиной и покрывалъ ихъ поцѣлуями.

Марья Константиновна не отрывала рукъ. Она приподнимала, какъ-бы въ истомѣ, верхнюю губу, закидывала слегка назадъ голову и загадочно улыбалась. Ея глаза радостно блестяли; а еще радостнѣе, еще сильнѣе поблескивали золотыя пломбы на переднихъ зубахъ.

Ластовскій, какъ осторожный врагъ, всегда подходилъ къ женщинѣ медленно, постепенно, шагъ за шагомъ. Разказавъ парочку выдуманныхъ сновъ, онъ приступалъ къ болѣе долгимъ и сильнымъ поцѣлуямъ рукъ „до локтей“. Завоевавъ руки, онъ завладѣвалъ плечами. Отъ поцѣлуевъ плечъ добирался до шеи. Затѣмъ слѣдовали поцѣлуи волосъ, глазъ и щекъ. И наконецъ онъ впивался долгимъ и окончательнымъ поцѣлуемъ въ губы. Поцѣлуй въ губы Ластовскій называлъ „взятіемъ послѣдняго форта“. Тогда оставалось лишь войти въ побѣжденную крѣпость.

Около трехъ недѣль Ластовскій завоевывалъ Марью Константиновну. Когда всѣ саперныя работы были закончены и всѣ мины подведены, онъ уже не сомнѣвался въ побѣдѣ.

Гуляя однажды въ Эрлангеровскомъ паркѣ съ Кекиной, Ластовскій увѣренно обнялъ ее, сочно поцѣловалъ въ губы и, нахмуривъ брови, сурово сказалъ:

— Манюрка... Сегодня... Слышишь?... Сегодня или никогда... Поняла?... Я такъ хочу — слышишь?... И затѣмъ снова жадно цѣловалъ Марью Константиновну. И хотя она изъ приличія и шептала:

— Оставьте... Не надо... Я буду презирать себя... Ахъ, что вы... Оставьте!..

Все-таки, какъ бы въ забытіи сама открывала губы для поцѣлуевъ и, какъ бы въ раздумьи, сказала:

— Милый!.. Но гдѣ?... У меня невозможно ни подь какимъ видомъ: Дунька страшная сплетница... Кромѣ того Вася...

— Гмм... У меня, голубчикъ, тоже неудобно. Не дача, а проходной дворъ... Вотъ что, Манюрка, приходи-ка ты лучше на моль!.. Въ девять вечера... А тамъ что-нибудь придумаемъ... Поняла?... Непремѣнно... Слышишь?... Я жду.

— Хорошо, милый. Непремѣнно приду!.. Уложу Васю спать и приду. Такъ въ девять?... До свиданья... Любимый мой!.. Федя, а ты не будешь презирать меня?..

— Помилуй, Манюрка, что съ тобой?... За кого ты меня принимаешь?... Да я еще больше буду любить тебя и уважать!..

Марья Константиновна сама порывисто обняла Ластовскаго, поцѣловала и убѣжала домой.

А Ластовскій самодовольно улыбнулся, повертѣлъ тросточкой и процѣдилъ сквозь зубы, закуривая папиросу:

— Таксъ... Послѣдній фортъ взятъ. Врагъ самъ вынесъ ключи отъ крѣпости... Bravo, Федюша, бра-виссимо... Теперь остается лишь войти въ славшійся городъ.

III.

Цѣлый день Марья Константиновна была ажитирована: она то напѣвала веселыя пѣсни, то вертѣлась передь зеркаломъ, то въ какомъ-то безудержномъ порывѣ цѣловала Васю, то хваталась за книгу.

Въ восемь часовъ вечера она уложила Васю въ кровать, а чтобы онъ скорѣе заснулъ, рѣшила прибѣгнуть къ хитрости.

— Сыночекъ, хочешь — мамочка расскажетъ тебѣ сказку?..

— Это которую? — сонно протянулъ горломъ Вася — это про дѣда Мороза, мамуся?..

— Ну, про Мороза, такъ про Мороза...

Марья Константиновна плотно усѣлась на стулъ возлѣ кровати, поправила юбку и, понизивъ голосъ, начала вдумчиво и мѣрно:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ ненашемъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухой... У старика была своя дочка, а у старухи своя... Очень не любила старуха стариковой дочки.

Задремавший, было, Вася сталъ то раскрывать, то закрывать глазки.

А Марья Константиновна медленно продолжала сказку приспущеннымъ голосомъ:

— Поѣхалъ старикъ за своею дочкой... А старуха напекла блиновъ и дожидается, когда старикъ дочкины косточки съ поля привезетъ... А собачка Жучка сидитъ подь столомъ и тьякаетъ: „Тявь-тявь... Старикова дочка ѣдетъ, полны сундуки добра везетъ“...

Вася, съ возрастающимъ интересомъ слушавшій сказку, не утерпѣлъ:

— Мамусенька, а какъ звали собачку?..

— Жучка, сыночекъ... Жучкой звали.

— А она черная?..

— Ну, пусть черная... если хочешь.

— То-то черная!.. Жучекъ бѣлыхъ не бываетъ.

— ... И приказала старику старуха: а, когда такъ, вези и мою дочку въ поле!..

Долго тянется сказка. Наконецъ къ девяти часамъ подходитъ къ концу.

— . Тякаетъ подь столомъ Жучка: „тявь-тявь... тявь-тявь!.. Старикъ обратно ѣдетъ, отъ старухиной дочки однѣ лишь косточки въ сундукѣ везетъ“...

— Мамусенька, а, мамусенька?.. Какъ же косточки?.. А мясо куда дѣлось?..

— Морозъ съѣлъ.

— А какъ же мороженое мясо?.. Отчего его морозъ не ѣстъ?..

У Васи глазенки совсѣмъ уже веселые и хитрые-хитрые...

— Ахъ, какой ты несносный!.. Вѣдь это же сказка... Въ сказкѣ все бываетъ.

Сонъ совсѣмъ убѣжалъ куда-то. Вася сѣлъ въ кровать и просительно захныкалъ:

— Мамусенька, мамусенька!.. Еще сказачку!.. Еще, миленькая!..

Марья Константиновна слегка поморщилась, взглянула на часы, отчего сердце забилось какъ-то неровно и бойко. Но поборола себя и сдержанно начала сказку про кощея бессмертнаго.

И чего-чего только нѣтъ въ этой сказкѣ: у Васи даже слюнки потекли отъ наслаждения.

— ... И вотъ встрѣтилъ Иванъ Царевичъ избушку на курьихъ ножкахъ... Избушка, „избушка—повернись къ морю задомъ, ко мнѣ передомъ“!..

Тянется сказка, сильнѣе забилось у Васи сердечко... Совсѣмъ разгулялся.

И когда Марья Константиновна добралась до ящика, въ которомъ была спрятана Кошеева смерть, Вася снова присѣлъ на кровать и звонкимъ голосомъ переспросилъ:

— Ты говоришь, въ зайцѣ утка живая?.. Вотъ весело-то!..

Марья Константиновна взглянула на часы и пришла въ ужасъ: она опоздала на цѣлый часъ на свиданіе.

А Вася не унимался: охвативъ рученками свою любимую игрушку — мягкую собачку, онъ прижималъ ее къ своей груди и шепталъ:

— А, Мишка!.. Въ тебѣ тоже, пожалуй, утка?.. А ты и не знаешь, глупая!.. Вотъ я завтра распорю тебѣ животикъ и выпущу утку... Тогда, узнаешь!..

Марья Константиновна попробовала уговорить сына:

— Васенька, если ты не ляжешь и не закроешь глазокъ, я тебѣ не стану рассказывать больше сказокъ!..

И въ ея голосѣ уже послышалась нотка раздраженія.

Давно пробило одиннадцать. Уже рассказано и про Царевну-Лягушку, и про Кота въ сапогахъ, и про Мальчика съ пальчикъ. А Вася, выбившись изъ сна, въ восторгѣ хлопаетъ рученками и поправляетъ:

А Сѣрый Волкъ какъ же!.. Ты не пропускай!.. Сѣрый Волкъ — онъ интересный!..

Наконецъ, Марья Константиновна измученная, раздраженная, задыхаясь отъ негодованія, дрожащимъ отъ злобы, охрипшимъ отъ сказокъ голосомъ крикнула:

— Если ты не заснешь, скверный мальчишка, я тебя отшлепаю!.. Слышишь?.. Спать — Коцей ты бессмертный!.. Сейчасъ же спать!..

Вася отъ испуга и недоумѣнія широко раскрылъ глаза. Отъ горькой обиды у него самъ по себѣ раскрылся ротъ, и Вася огласилъ дачу звонкимъ, затяжнымъ дѣтскимъ плачемъ.

Наплакавшись вдоволь, обезсилѣвъ, онъ уснулъ около часу ночи.

Въ Марьѣ Константиновнѣ боролись противорѣчивыя чувства: ей было стыдно за себя, и въ то же время обидно, что пропустила свиданіе; она злилась на неугомоннаго Васю, и въ то же время было его жалко; она негодовала на русскія сказки, и въ то же время онѣ переполнили ея мозгъ.

Взволнованно блуждая по комнатамъ, она размахивала руками и бормотала:

— Все у насъ, какъ не у людей!.. Другія дѣти засыпаютъ подь сказки, а мой выродокъ слушаетъ ихъ все съ большимъ интересомъ... И какіе остолопы выдумали, что сказки — прекраснѣйшее снотворное средство. Не сказокъ ему надо было, а просто надавать бы хорошихъ шлепковъ — и все тутъ!.. Сразу бы уснулъ. Мученіе съ мальчишкой: такая же капризная дрянь, какъ и отецъ... Выдумалъ вотъ тоже не ѣхать — возись съ ребенкомъ одна... Жди награды... А молодость проходить...

Кекина расплакалась отъ бессильной злобы на себя, на Васю, на мужа, на жизнь, на всѣхъ. Отъ слезъ разболѣлась голова. Уснула Марья Константиновна лишь подь утро.

IV.

А Ластовскій, пробродивъ по молу безуспѣшно битыхъ три часа, плюнулъ, выругался и, скрививъ презрительно губы, разразился монологомъ:

— Обмануть?.. меня?.. Федора Ластовскаго?.. Ник-когда!.. Дряблая баба, дебелая!.. Студень. Оползень. Одумалась, что ли?.. Никогда!.. Просто развело отъ поцѣлуевъ — и заснула тюфякомъ. Впрочемъ, можетъ быть, мужъ пріѣхалъ?.. Тѣмъ хуже... для нея!.. Скажите!.. Чего же впивалась тогда, разъ мужа любишь?.. Есть мнѣ, когда шлеться безъ толку за всякой розмазней... Ну, и наплевать, когда такъ!.. И безъ тебя обойдется... Эка невидаль!.. Не хочешь — не надо.

Плотно застегнувъ пальто на всѣ пуговицы и поднявъ воротникъ, Ластовскій повертѣлъ тросточкой и, насвистывая танго, зашагалъ домой. Подходя же къ дачѣ, улыбнулся:

— Приударю за Катей Четвериковой. Непремѣнно. Завтра же. Дѣвченка, хоть куда: подаетъ надежды... Въ ея глазахъ, другъ ты мой Федюшка, такіе туманы иногда бродятъ, что самого себя никакъ не увидишь: дебри, словомъ... Сильвасы!.. Восторгъ!.. Фюить, Катюша — и баста

Ластовскій сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и успокоился.

Къ утру онъ на самомъ дѣлѣ увидѣлъ сонъ: снилось ему, что идетъ онъ по лугу, въ туманѣ. А откуда-то издали, изъ мглы зоветъ его Катя. Идетъ онъ съ папирсой въ зубахъ и вертитъ передь собой тросточкой быстро-быстро. И разгоняетъ ею туманъ, и приближается къ Катѣ.

И въ то же самое время Марьѣ Константиновнѣ только-что началъ сниться Коцей бессмертный: носъ когтемъ, борода крючкомъ, вмѣсто ногъ жабы лапы, а глаза какъ листья магноліи — нелѣпый такой!..

Подпрыгнувъ къ ней, Коцей и крикаетъ въ самое ухо: „А ты чего врешь про меня, мальчонку пугаешь, озорница ты этакая!.. Вотъ ужю мужу пожалуюсь...“

Дрожитъ Марья Константиновна, а не просыпается.

И ужъ новый сонъ ей снится: такой, что забывается, когда проснешься.

Полярный.

У Ю Т Ъ.

Пришелъ домой, гдѣ все давно постыло,
И виновато ткнулся въ уголокъ,
А изъ кармана тихо и уныло,
Висѣлъ ажурный, скомканный чулокъ.
Пришла жена и злобно завздыхала:
— Опять игралъ?... — Конечно, онъ игралъ...
— А я всю ночь, вотъ видишь, ожидала...
И въ тихой комнатѣ почувался скандалъ.
— Опять уйдешь? — Ну какъ-же, развѣ можно...
Я отдохну? Въ глазахъ такой... туманъ...
И въ кабинетъ пробравшись осторожно,
Тайкомъ, какъ пѣсь, онъ лѣзетъ на диванъ.
Еще въ душѣ раскаянье кололось,
А пьяный сонъ сулилъ покой и рай...
И въ головѣ, какъ это, чей-то голосъ
Кричалъ: чулокъ и трешницу отдай!..
— Ммм... отойди... — Онъ бормоталъ невнятно,
А мутный сонъ кидалъ тяжелый грузъ:
И чей-то хрипъ и чьи-то лица-пятна,
И теплыхъ винъ непоборимый вкусъ.
Всталъ къ десяти, измученный и кислый,
И наблюдалъ, куря сигарный дымъ,
Какъ у жены одна губа повисла?
Предвѣстникъ слезъ и жалобы роднымъ.
Сидѣлъ и ждалъ того, что неизбежно,
Тоскливо ждалъ — уныло одинокъ...
А изъ кармана такъ-же безнадежно
Висѣлъ ажурный скомканный чулокъ...

Арк. Буховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Москва.

Москва — Студенту. — Спасибо за привѣтствие. „Кошмаръ“, къ сожалѣнію, запоздалъ.

Москва — Гибридусу. — Кошунство.

А. Левашеву. — Не подошло.

Сакристи. — Попадаются не дурныя мѣста, а въ общемъ написано дилетантски.

Н. Тонъ. — Нѣтъ.

Черепову. — Не подошло.

Н. В. — Не подошло.

Б. Провинція.

Кіевъ — К. Казань. — В. К. К., Николаевъ — у — ю, Юрэкъ Г-вичу, Череповецъ — Е. П., Бердичевъ — Николаеву, Кутаисъ — Ксентъ, Кіевъ — Вс. М-ому — не подошло.

Двинскъ — Идеалисту. Стихи не подошли; замѣткой воспользуемся.

Либава — Еленъ В. — Не подошло.

Рига — Пикъ - Поку. — Не подошло. Некрасовскіе стихи — пережевываніе надоѣвшаго.

Майкопъ. — Г. В. Ч-екъ. — Не подошло.

Ташкентъ. — Конону Долину. — Туманно и риторика.

Кирсанову. — Не подошло.

Варшава. — В. А. Б. — „Тетради первокурсника“ — не рассказъ, а только хорошій матеріалъ для рассказа. Надо работать.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Café Empiré

Садовая, 12, 2-й д. отъ Невск. пр. Тел. 650-34.

ЭЛЕГАНТНОЕ И РОСКОШНО ОБСТАВЛЕННОЕ КАФЭ.

КОНЦЕРТЫ
Надежды Васильевны
ПЛЕВИЦКОЙ.

С.-Петербургъ, 9-го Февраля. Москва, 14-го Февраля.
ОЧЕРЕДНЫЕ КОНЦЕРТЫ ВЪ ПРОВИНЦИИ: САМАРА, ОРЕНБУРГЪ, ТАШКЕНТЪ,
САМАРКАНДЪ, КОКАНДЪ, АСХАБАДЪ.
За справками обращаться: Москва, Арбатъ, 44, кв. 78. Тел. 3-46-74.
Уполномоченный Н. В. Плевацкой В. Афанасьевъ.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДЛЬФА РОДЭ
У СТРОГАНОВА МОСТА. Телеф. 77 34 и 136-60.

Е Ж Е Д Н Е В Н О
БЛЕСТЯЩІЙ ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ
ИЗЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ Etoiles и атракціоновъ.
ПОДРОБНОСТИ СМ ВЪ АФИШАХЪ.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ

Михайловская площадь, 13.

Тел. 85-99 64-76 149-53

Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ, М. С. Харигоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко.
Главн. режис. В. Ю. Вадимовъ Режис. А. Н. Половъ.
Главн. кап. В. И. Шпачекъ.

ЕЖЕДНЕВНО ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА
„ЖРИЦА ОГНЯ“.

В. П. ВАЛЕНТИНОВА, въ его-же постановкѣ.

Исполнять роли: „Жрицы огня“ — В. В. Кавецкая, „Париж. Анжель“ — В. М. Шувалова, „Гудхи“ — Н. М. Антоновъ, „Юристы“ — М. Д. Ксендзовскій, „Раджи“ — И. И. Коржевскій, „Полисимэна“ — М. А. Ростовцевъ, „Принца“ — А. И. Феона и др. Дирижируетъ — авторъ. Большой балетъ: танецъ „Баядерокъ“, „Священнаго огня“ и пр. Участв. въ опереттѣ болѣе 200 чел.
Нач. въ 8 1/2 ч. Промежутокъ въ театрѣ по 1 р.

По оконч. оперет. въ конц. залѣ
КОНЦЕРТЪ-VARIÉ 4 ч. у. Новая про-
грамм!!!

Дебютъ знаменит. 4 Reinhard, англичанокъ Lieblen, The Hebbard, M-lles Appasъ, Марго, Маскотъ, Мелекъ, красавицы Морнакъ, Стеффи, 5 ЯПОНЦЕВЪ, М. А. Лидарской, М-lle и М-г ФОСКА и ВИЛЛИ исполн. знам. танецъ ТАНГО

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ

Литейный, 51. Тел. 112-75.

Подъ упр. Б. С. Неволіна.

Сегодня 1) НОВАЯ ПЬЕСА **„ОДЕССИСТЫ“.**
АРК. АВЕРЧЕНКО
2) „ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ“ Аверченко. 3) „ТЕМНОЕ ПЯТНО“.
4) „МУЖЪ ДИПЛОМАТЪ“. 5) „СКРОМНАЯ ЖЕНЩИНА“.
6) „ИНТЕРМЕДИИ“.

Уч. г-жи: Мосолова, Антонова; г.г. Неволіна, Самаринъ, Эльскій, Миревичъ и друг. Режиссеры: Б. Неволіа, Баронъ Р. А. Унгернъ.

РУСОКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

(бывшій Панаевскій).

Дирекція К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке.
Адмиралтейская н б 4.
Телефонъ 19-50 Насса и 578-82 Администрація.

Е Ж Е Д Н Е В Н О
„Огненное кольцо“ Новая пьеса С. Полякова. Начало въ 8 1/2 час. веч.
въ 5 д.
Билеты продаются въ кассѣ театра съ 11 час. утра до окончанія спектакля.
Администраторъ Л. Л. Людомировъ.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61.

Déjeuners, diners et soupers à prix-fixe et à la carte.
Cuisine française et italienne.
Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.
Pendant les diners et les soupers musique „Trio Bisacchi“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?

ВЪ РЕСТОРАНЪ

„ВВНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Торг. до 3-хъ ч. ночи.

2-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 НОМЕРА роскошно иллюстрированного журнала. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ въ 8—9 красокъ.

ВАРИАНТЪ СТАРОЙ СКАЗКИ.

... Пришла Красная Шапочка къ „Новому Сатирикону и говоритъ.

- Отчего это у тебя такіе глазки большіе?
- Чтобъ лучше видѣть.
- Отчего это у тебя такія ушки на макушкѣ?
- Чтобъ лучше слышать.
- Отчего это у тебя такіе зубки большіе?
- Чтобъ всякихъ мошенниковъ кусать.
- Отчего у тебя такія ножки большія?
- Чтобъ отъ штрафовъ быстрѣе бѣгать.
- Отчего у тебя такая шерсть густая?
- Чтобъ отъ цензуры не такъ холодно было.
- А отчего это у тебя такія ручки большія?
- А это, чтобы отъ тебя подписку принять!!

Вскочилъ... Гамъ! — и принялъ подписку у Красной Шапочки.

Мораль этой сказки для городскихъ подписчиковъ та, что они могутъ являться и не лично, а вмѣсто себя Красную Шапку прислать...

3. Всѣ годовые подписчики получаютъ **3** бесплатныхъ премій:

1 томъ „Путешествіе сатириконцевъ по Россіи“. Большой томъ. Масса иллюстрацій и карикатуръ.

1 КАРТИНУ „Литературный чемпионатъ“. Большая многокрасочная картина-шаржъ, работы Ре-Ми.

1 томъ „Календарь-Альманахъ“ на 1914 г. При участіи лучшихъ русскихъ юмористовъ и художниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6** руб. Съ пересылкой и доставкой **6** руб. **50** к., на полгода **3** руб. **25** коп., на 3 мѣс. **1** руб. **75** коп., на 1 мѣс. **60** коп.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Поступилъ въ продажу. Цѣна 1 руб., продается вездѣ.

Открыта подписка на 1914 г.

на большую, безпартійную,
:: ежедневную газету ::

ДЕНЬ

издающуюся въ С.-Петербургѣ
при прежнемъ составѣ ре-
:: дакціи и сотрудниковъ ::

Второй годъ изданія.
2 еженедѣльн. прилож.

52 № № ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:
въ годъ Безпл. приложене
Литература, искусство, наука.

52 № № ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:
въ годъ Бесплатное
Литературно-Художественное
иллюстрированное приложене.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой:
на 12 мѣс. — 10 р., на 6 мѣс. —
5 р. 30 к., на 3 мѣс. — 2 р. 80 к.,
на 1 мѣс. — 1 р. Для сельскихъ свя-
щенниковъ и учителей, для учащихся
въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,
рабочихъ и приказчиковъ при не-
посредственномъ обращеніи въ глав-
ную контору: на 12 мѣс. — 8 р.,
9 мѣс. — 6 р. 20 к., 6 мѣс. — 4 р. 25 к.,
3 мѣс. — 2 р. 20 к., 1 мѣс. — 75 коп.
При годовой подпискѣ разсрочка:
при подпискѣ 3 руб., въ апрѣлѣ
3 р. и въ августѣ 2 руб.

Подписка принимается во всѣхъ
почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

Пробные №№ высылаются БЕЗПЛАТНО.

Цѣна отдѣльнаго № — 5 коп.

Газета „День“ продается во всѣхъ
кіоскахъ жел. дор. и у газетчиковъ
во всѣхъ городахъ Россіи.

Адресъ Главной Конторы:
СПБ., Невскій просп., 69.

Издательство „Новый Сатирикон“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій
С.-Петербургъ, Невскій 55, книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:
ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ. На зарѣ жизни. На прихватку.—„Иммортели“.—Валя.—Рыбалки.—
Пустынная операція.—Чанъ-си.—Крутьковская Пасха.—Большой городъ.—Въ запо-
вѣдныхъ водахъ.—Въ камышахъ.—Невѣста.—„На старика“.—„На разсвѣтъ“.—Абрекъ
Мистулка.—Средо.—„Профессоръ по назначенію“.—Проклятіе земли.—Первый иней.—
У разбитого корыта.—Когда сжигали Гуса на кострѣ.—Отдыхающему Марсу.—Поэтъ
надъ озеромъ.

Обложка художника Ре-Ми. Цѣна 1 р. 25 к.

ТОМА ОПИСКИНЪ. СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и
предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. Чертополохъ и крапива.—Былое. (Русскіе въ 1862 г.).—Редак-
торъ „Собакиной жизни“.—Подъ сводомъ законовъ.—Корибу. Провѣрочныя испыта-
нія.—Сонъ въ зимнюю ночь.—Мудрый судья.—Грозное мѣстоименіе.—Викторъ По-
ликарповичъ.—Простой счетъ.—Кустарный и машинный промыселъ.—Тихій океанъ.—
Отцы и дѣти.—Человѣкъ-звѣрь. (Матеріалы для Нижегородской исторіи).—Новое о
Чеховѣ.—Жвачка.—Послѣдній экипажъ.—Душевная драма Феди Зубрякина.—Занзи-
вѣвъ.—Кавказская исторія.—Новыя правила.—Первый весенній выходъ Меньши-
кова.—Записки труппы.—Дешевая жизнь.—Глупые и умные.—Конѣцъ журналиста.—
Кремень.—Случай съ ревизоромъ.—Хлопотливая нація.—Тяжелое занятіе.—Каторга.—
Национализмъ.—Болѣзнь.—„Колоколь“.—Случай съ Симеономъ Плюмажевымъ.—
Шиворотъ-на-выворотъ.—Страшное изданіе. (Святочный разсказъ).—Клевета.—На раз-
ныхъ языкахъ.—Граждане.

Часть II. Бурьянъ.—Страшное преступленіе въ кабацкѣ дяди Самати.—Изу-
мительный случай.—Гордѣвъ узелъ.—На „Французской выставкѣ за 100 лѣтъ“.—
Золотые часы.

Часть III. Цвѣтики въ травѣ.—Начальство.—Поздравитель. (Гримасы
быта Россійскаго).—Удивительная газета.—Теоретики.—Цѣпи.—Стиль-человѣкъ.—
Совѣсть.—Цѣнитель искусства.—Энтузіазмъ.—Гостепримство.—Законный бракъ. Сти-
хотвор. въ прозѣ.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 р. 25 к.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна cadaго выпуска 10 к.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Содержаніе. Богема. О томъ, какъ было создано общество Богемы.—
Посланецъ Провидѣнія.—Великопостная любовь.—Али-Родольфъ или турокъ поне-
воль.—Галеръ Карла Великаго.—Мадемуазель Мюзета.—Золотой дождь.—Сколько
стоитъ монета въ пять франковъ.—Фіалки Сѣвернаго Полуся.—Мышь Бурь.—Ресто-
ранъ Богемы.—Какъ Барбемущъ былъ принятъ въ Богему.—Новоселье.—Мадемуа-
зель Мими.—Dones Gratus.—„Переходъ черезъ Черное море“.—Туалетъ грацій.—
Муфта Франсины.—Капризы Мюзеты.—Мими оперяется.—Ромео и Джульета.—Эпи-
логъ романа Родольфа и Мими.—Молодость не повторяется.

Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 20 к.

АРКАДІИ АВЕРЧЕНКО.

Театральная бібліотека. 3 тома. Въ издѣн. обложк. худ. ЧЕХОНИНА. Цѣна cadaго тома 2 р.

Томъ I. (Сборникъ одноактныхъ пьесъ). Содержаніе: Гололедица.—Красивая
женщина.—Рыцарь индустри.—Конѣцъ любви.—Юбилей антрепренера.—Настоящія
парни.—Безъ ключа.—Четверо.

Томъ II. (Миніатюры и монологи для сцены). Содержаніе: Новогодняя Пасха.—
Родственная кровь.—Старики.—Лѣто.—Знаменитый трансформаторъ.—Власть рока.—
Таинственный гость.—Прологъ.—Функельманъ и сынъ.—Роковая гребенка.—Загадоч-
ная телеграмма.

Томъ III. („Чертова дюжина“. 12 пьесъ). Содержаніе: Прологъ.—Хлѣбосоль.—
Визитеры.—Человѣкъ за ширмой.—Душа общества.—Женская доля.—Съ корнемъ.—От-
бивная котлета.—Дамы.—Натурщица.—Неразговорчивый сосѣдь.—Искусство любить.

НА КОГО КАКЪ.

— На меня очень сильно коньякъ дѣйствуетъ. Выпьешь двѣ рюмки — голова болитъ ужасно...

— А на меня Шустовская „Несравненная“. Представьте себѣ, выпилъ двѣ бутылки въ ресторанѣ и не заплатилъ. Такъ, повѣрите-ли мнѣ, весь въ синякахъ домой пришелъ...

Остерегайтесь поддѣлокъ!
== НАСТОЯЩЕЕ ЖЕЛЕ ==
 ТОЛЬКО СЪ НАДПИСЬЮ
E. C. F. HERRMANN, HANNOVER
 и съ нашей подписью.
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!
 Генер. представ. для Россіи Т-во
 Эйчисъ и Ко, Кіевъ. Почт. ящ. 314.
Кушайте Германа желе!

„Искусство хорошо спать“ сохраняет жизнь человѣка.

Выпущенная въ свѣтъ книга подъ названіемъ „Искусство хорошо спать“, составленная извѣстн. проф., какъ-то: Гоммондъ, Бушо и доктор. Штаркъ, К. Вернеръ, Манасейнъ и др., въ ясной формѣ излагаетъ сущность и значеніе сна въ жизни человѣка и учитъ, какъ надо спать здоровымъ, укрѣпляющимъ спокойнымъ сномъ безъ мучительныхъ кошмаровъ и тяжелыхъ сновидѣній.

Желая сдѣлать книгу общедоступной, издательство рѣшило уменьшить цѣну съ 3-хъ р. до 2-хъ р.

Единственная продажа:

СПБ., Невскій пр. 98, Контора „Новаго Сатирикона“.

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ
 „Марленбадскія редуцированныя пилюли“ противъ
ОЖИРѢНІЯ
 и отличное слабительное средство. Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

вому требов. Адр. ГЛ.

Новѣйшее, идеальн. изобрѣт. въ области
 — это аппаратъ „РЕФЛЮКСЪ“ — самый вѣрный и соверш. безвредн. способъ
ЖЕНСКОЙ ГИГИЕНЫ
ПРЕДУПРЕЖД. БЕРЕМЕН. и предохраненія отъ зараженія
 Съ пом. апар. РЕФЛЮКСЪ спринцеваніе можно производить лежа, не прибѣгая ни къ какимъ сложн. и вредн. манипуляціямъ. **ТРЕБУЙТЕ** во всѣхъ аптек. и аптек. магазин. только аппаратъ РЕФЛЮКСЪ, ибо онъ удобенъ, гигиенич. и ГАРАНТИРУЕТЪ УСПѢХЪ. Обращ. вним. на изображ. рисунокъ. Цѣна апар. 4-хъ унц. воронк. съ упак. и перес. въ Европ. Россіи — 4 р. 20 к. Зап. Сиб. — 4 р. 40 к., Вост. Сиб. — 4 р. 60 к.; съ ГУТАПЕРЧ. воронкой на 1 р. 25 к. дороже. Высыл. налож. платеж. Наставл. и необх. СОСТАВ. ПРОФИЛАКТ. СРЕДСТВ. прилаг. **БЕЗПЛАТНО** при кажд. апар. Подр. свѣдѣнія съ отзыв. врачей, печати и благод. писемъ высыл. по пер. Предст. РЕФЛЮКСЪ, СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 6, отд. 60. Прив. и марка заявл. въ М. Т. и Пр.

ЧИТАЙТЕ ежедневную вечернюю общественно-политическую, биржевую и финансово-экономическую газету **„БИРЖЕВОЙ ДЕНЬ“**.
 Цѣна **2** коп.

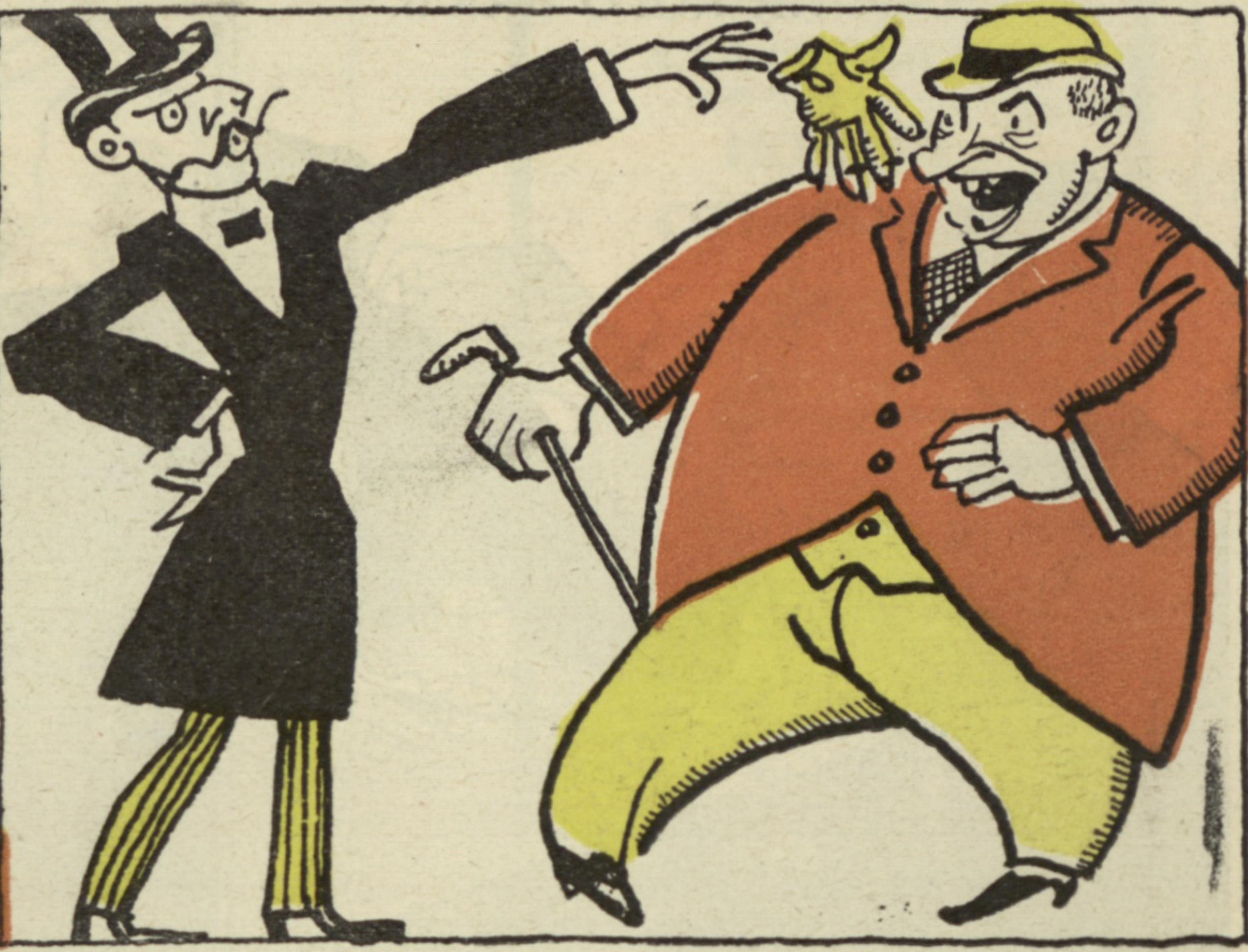
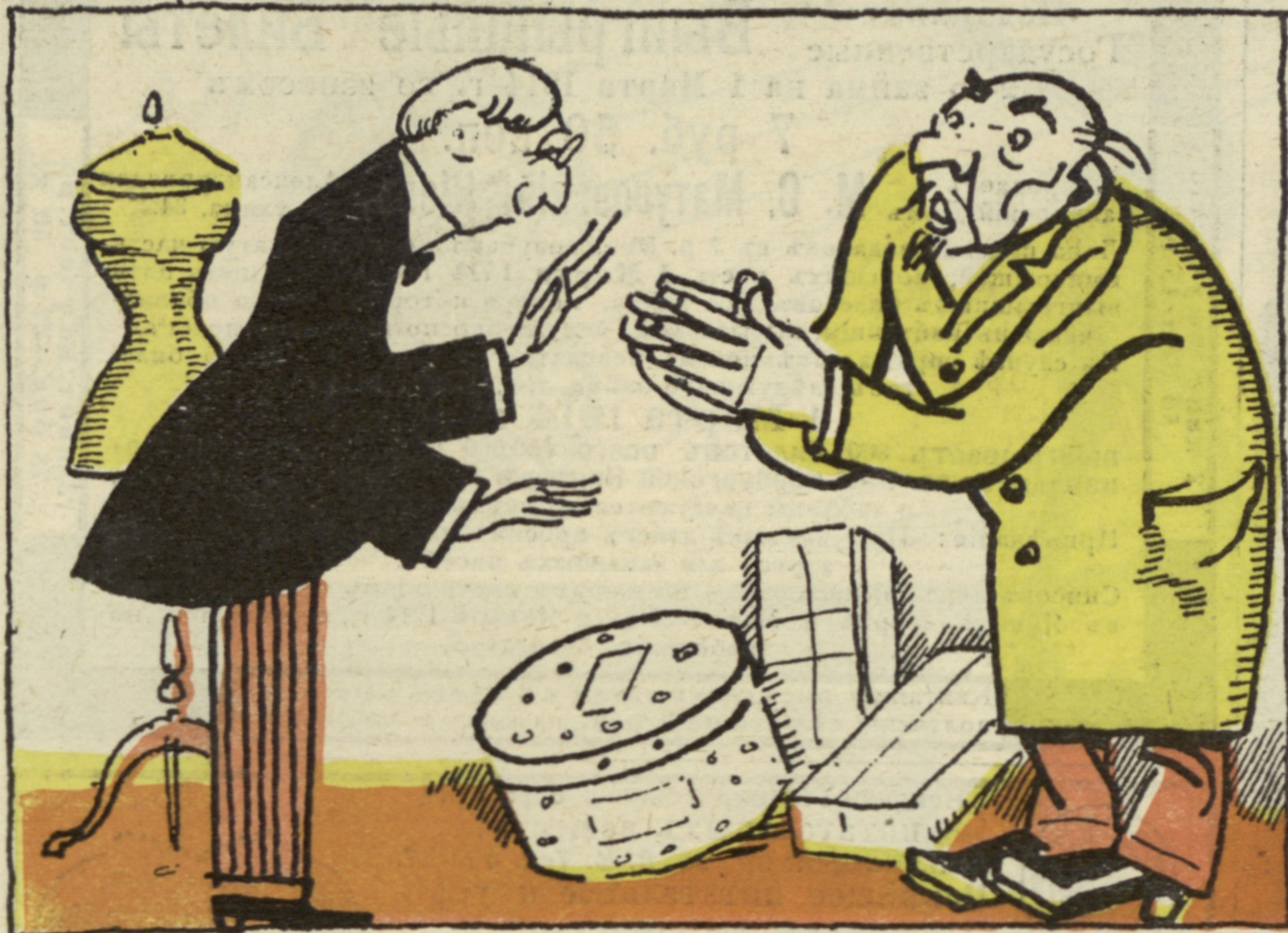
200,000 р. 75,000 р. 40,000 р. 25,000 р. и т. д.
Подлинныя Государственныя Выигрышныя Билеты
 2-го займа на 1 Марта 1914 г. со взносомъ
7 руб. 50 коп.
 продаетъ Банкирскій Домъ **М. С. Матусовскій, Кіевъ,** Александровская улица, 34.
 Лица, внесшія задатокъ въ 7 р. 50 к., получаютъ одну двадцатую часть выигрышей, могущихъ пасть 1 Марта 1914 года на двадцать пять выигрышныхъ билетовъ 2-го займа, номера которыхъ точно обозначены въ квитанціи, высылаемой немедленно по полученіи денегъ. Въ случаѣ тиража обѣиваемъ бесплатно на квитанцію въ 25 билетовъ слѣдующаго займа, т.-е. 1 Мая 1914 г.
1 Марта 1914 года
 выигрываетъ 300 билетовъ всего 600.000 руб. Выигрыши производятся въ С.-П. тербургской Конторѣ Государственнаго Банка, и таблицы печатаются во всѣхъ газетяхъ.
 Примѣчаніе: При высылкѣ денегъ просимъ указать Вашъ точный адресъ для заказныхъ писемъ.
 Списокъ лицъ, выигравшихъ по нашимъ квитанціямъ крупныя суммы въ Январѣ, Мартѣ и Маѣ 1913 г. и Январѣ 1914 г., высылается, по требованію, бесплатно.
 Квитанція высылается также и наложен. платеж. по полученіи задатка по 3 руб. на каждую квитанцію.

Невская Гигиеническая Лабораторія
 питательныхъ веществъ
 СПБ., Невскій пр., 98. Л. В. Тел. 427-67.
 Новѣйшее питательное и укрѣпляющее средство
сложный кровяной препаратъ ГЕМОЗАНЪ
 Удостоенъ высшей награды (золот. медаль) на международной выставкѣ питательныхъ веществъ въ Лондонѣ.
 Рекомендуются многими врачами и профессорами, какъ испытанное неоцѣнимое средство при малокровіи, хлорозѣ, слабости, золотухѣ, болѣзняхъ нервной системы, истощеніи и въ періодѣ выздоровленія послѣ инфекціонныхъ болѣзней. Съ большимъ успѣхомъ примѣняется и въ дѣтской практикѣ. Обогащаетъ нашу кровь составными ея частями, поднимаетъ общее питаніе организма, увеличиваетъ весь тѣла, улучшаетъ аппетитъ и укрѣпляетъ нервную систему. По анализу Лаборат. Военно-Медицинской Академіи сод.: — желѣзо, бѣлки, глицерофосфаты, лецитинъ, нуклеинъ, гемоглобинъ и друг. **НА ЗУБЫ НЕ ВЛІЯЕТЪ**. Описание и способъ употребленія при каждой коробкѣ. Коробки въ 200 гр. и 100 гр. Имѣются и въ 500 гр. Высылаются всюду по почтѣ наложен. платежомъ. **ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ**. PS. Кефиръ, кумысъ, мясной сокъ, лактобац., простокваша, йогуртъ (болгар. простокваша). Доставка на домъ бесплатно

ГОНОРРЕЯ
 (ТРИППЕРЪ).
 Гоноррею, перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро вылѣчиваетъ соверш. безвредн. и клинически испыт. средство (для внутр. употребл.)
„ТІЭЛЕРИНЪ“
 ДОКТОРА МЕД. ЖЕНЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГОРОХОВСКОЙ.
 РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ-СПЕЦИАЛИСТАМИ.
 Цѣна ordinarily флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойн. 3 р. безъ пересылки. Подробное наставленіе при флаконѣ. Высылается налож. платежомъ. **ВЪ СЛУЧАѢ НЕИЗЛѢЧЕНІЯ — ВОЗВРАЩАЮ ДЕНГИ ОБРАТНО.**
 Адр.: д-ру Э. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Даевъ пер., д. 1/28, кв. 3. Отд. 62. Отпускъ дѣкарствъ отъ 9 ч. у. до 7 ч. в. Личн. приѣмъ отъ 4 до 7 ч. в.

При перемѣнѣ адреса гг. подписчиковъ просятъ присылать 25 коп. марками.

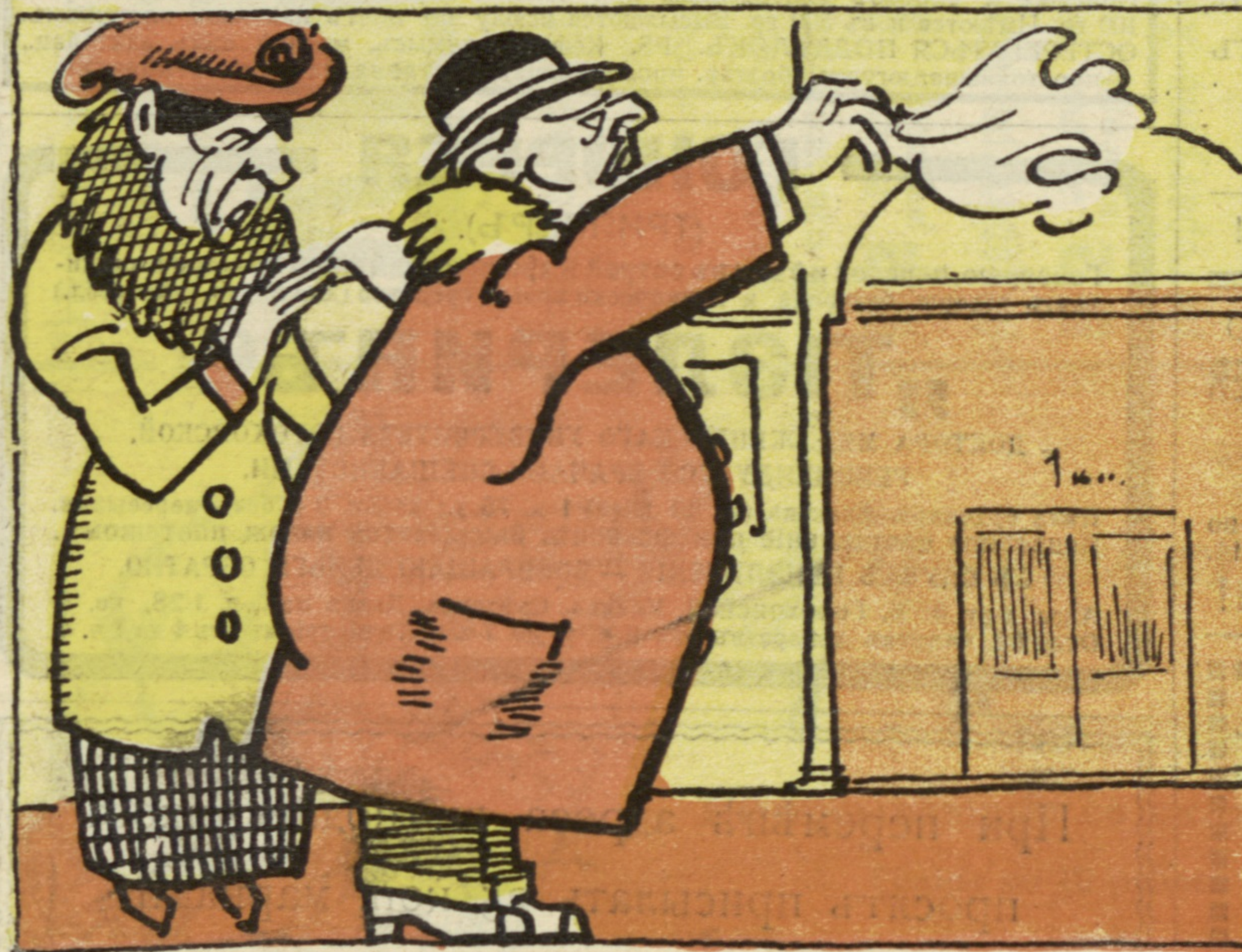
НИК. АШЕШОВЪ.
„РАНЫ ЛЮБВИ“.
 Книга рассказовъ. Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.
 Обложка работы Миссъ. Цѣна Руб. 1.25.
 Издательство „Прометей“.

— Ради Бога, уважаемый маэстро! Пожалуйте меня бѣднаго, простого обывателя. Перестаньте рисовать свои очаровательные дамскіе костюмы, совсѣмъ...

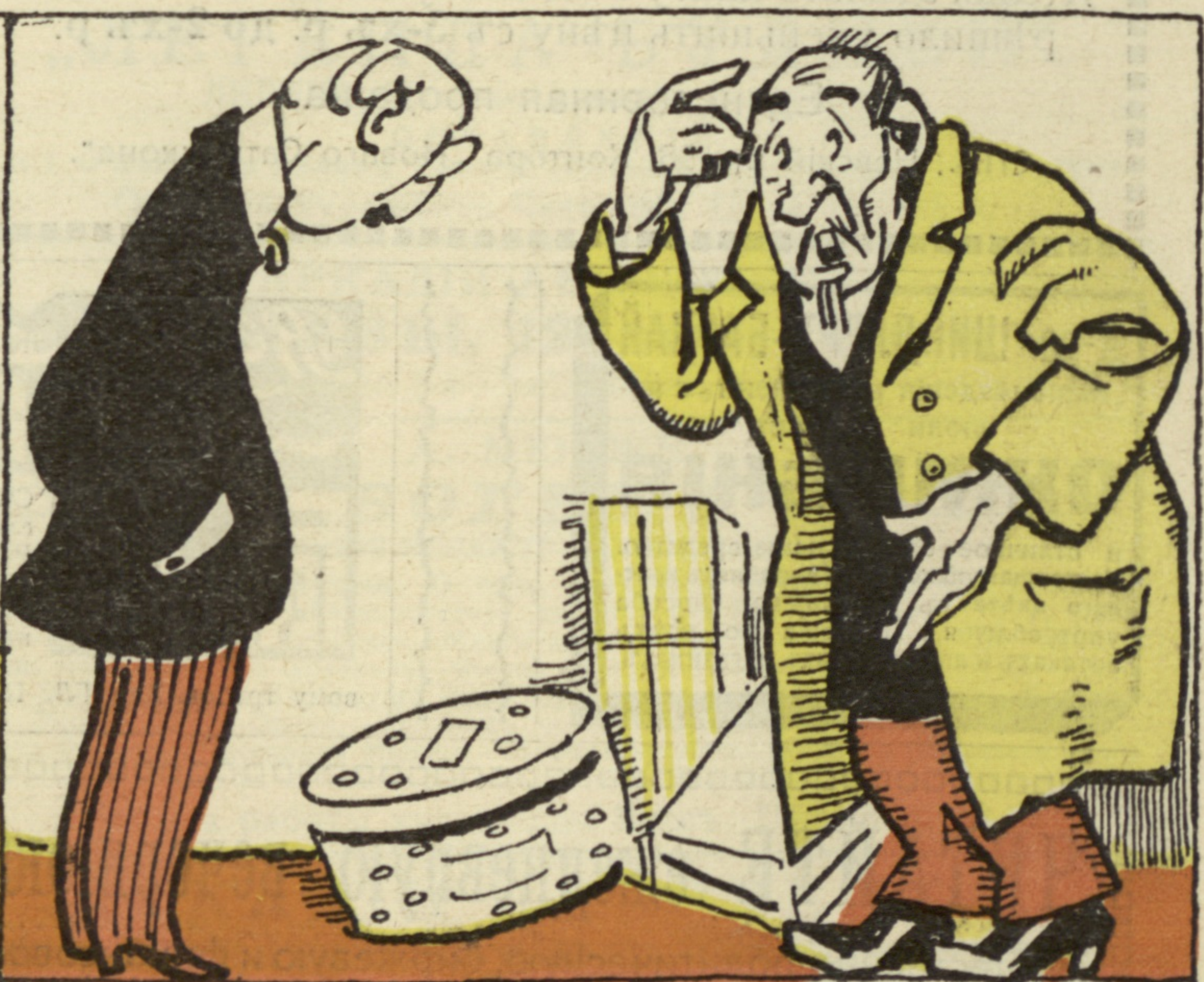
Левъ Бакстъ: — Милый мой, вы разсуждаете, какъ человѣкъ, не понимающій всю важность, все значеніе костюма въ жизни человѣка. Я ужъ не буду говорить о значеніи костюма для женщины, это всѣмъ извѣстно, но я докажу вамъ, что и мужчина есть только деталь своего костюма.

— Знаете ли вы, милостивый государь, что если-бы не перчатки, то этика міра была бы совсѣмъ другая, такъ какъ оскорбленные не могли-бы бросить въ лицо своему оскорбителю перчатки, — въ результатѣ порокъ не наказанъ, самолюбіе массъ понижается, наглцы торжествуютъ, и т. д.

— А платокъ, платокъ облегчаетъ разлуку, платокъ позволяетъ вамъ еще долго не терять изъ виду дорогое существо, платокъ — это бѣлое крыло прощанія, надежды и печали...

— Я уже не говорю о цилиндрѣ. Едва приподнявъ его передъ кѣмъ-нибудь, вы этимъ показываете пренебреженіе этому человѣку; низко снявъ — почтеніе. Снявъ передъ покойникомъ, вы этимъ показываете свое уваженіе къ смерти.

— А модное кашнэ! Оно красиво, и кромѣ того сколько не-приятныхъ встрѣчъ вы можете избѣгать, нося его. Да, въ кашнэ выгода и красота соединились въ одно. О! по истинѣ, человѣкъ — это принадлежность костюма.

— Гм... — сказалъ обыватель, — все это вѣрно, но у меня нѣтъ ни платка, ни перчатокъ, ни цилиндра, ни кашнэ... потому что всѣ деньги жена тратитъ на туалеты, которые она дѣлаетъ по вашимъ рисункамъ, а это стоитъ, охъ, какъ стоитъ!! Маэстро! ради Бога, во имя цивилизаціи, перестаньте рисовать дамскіе костюмы.